

Бедa — текст 2 из 2

С Николаем Максимычем Путохиным приключилась беда, от которой широким и беспечным российским натурам так же не следует зарекаться, как от тюрьмы и сумы: он невзначай напился пьян и в пьяном образе, забыв про семью и службу, ровно пять дней и ночей шатался по злачным местам. От этих беспутно проведенных пяти суток в его памяти уцелел один только похожий на кашу сумбур из пьяных рож, цветных юбок, бутылок, дрыгающих ног. Он напрягал свою память, и для него ясно было только, как вечером, когда зажигали фонари, он забежал на минутку к своему приятелю поговорить о деле, как приятель предложил выпить пива... Путохин выпил стакан, другой, третий... После шести бутылок приятели отправились к какому-то Павлу Семеновичу; этот последний угостил копченым сигом и мадерой. Когда мадера была выпита, послали за коньяком. Дальше больше и дальнейшие события заволакиваются туманом, сквозь который Путохин видел что-то похожее на сон: лиловое лицо какой-то шведки, выкрикивавшей фразу: Мужчина, угостите портером!, длинную танцевальную залу с невысокими потолками, полную дыма и лакейских рож, себя самого, закладывающего большие пальцы рук в жилетные карманы и откалывающего ногами чёрт знает что... Далее он видел, как во сне, небольшую комнатку, стены которой увешаны лубочными картинками и женскими платьями... Припоминал он запах разлитого портера, цветочного одеколona и глицеринового мыла... Несколько яснее выделялась из сумбурной каши картина пробуждения, тяжелого, скверного, когда даже солнечный свет кажется отвратительным... Он помнил, как, не найдя у себя в кармане часов и медальонов, в чужом галстуке, с пьяной тяжелой головой он поторопился на службу. Красный от стыда, дрожа от хмельной лихорадки, стоял он перед начальством, а начальство, не глядя на него, говорило равнодушным голосом: Не трудитесь оправдываться... Я даже не понимаю, зачем вы побеспокоились пожаловать!.. Что вы у нас больше не служите, это уже решено-с... Нам не нужны такие служащие, и вы, как толковый человек, поймете это... да-с! Этот равнодушный тон, острые, прищуренные глаза начальства и деликатное молчание товарищей резко выделялись из сумбура и уже не походили на сон... Мерзко! Подло! бормотал Путохин, возвращаясь домой после объяснения с начальством. И осрамился и место потерял... Подло, гадко! Отвратительное чувство перегара наполняло его всего, начиная со рта и кончая ногами, которые еле ступали... Ощущение ночевавшего во рту эскадрона томило всё его тело и даже душу. Ему было и стыдно, и страшно, и

тошно.

Хоть застрелиться в пору! бормотал он. И стыдно и злоба душит. Не могу идти! Да, плохая история! соглашался сопровождавший его сослуживец Федор Елисеич. Всё бы ничего, но вот что скверно: место потерял! Это хуже всего, брат... Именно стреляться в пору...

Боже мой, а голова... голова! бормотал Путохин, морщась от боли. Трещит, точно лопаться хочет. Нет, как хочешь, а я зайду в трактир опохмелиться... Зайдем!

Приятель зашли в трактир...

И как это я напился, не понимаю! ужасался Путохин после второй рюмки. Года два в рот ни капли не брал, зарок жене дал перед образом... смеялся над пьяницами, и вдруг всё к чёрту! Ни места, ни покоя! Ужасно!

Он покрутил головой и продолжал:

Иду домой, точно на смертную казнь... Не жалко мне ни часов, ни денег, ни места... Я готов мириться со всеми этими потерями, с этой головной болью, с нотацией начальства... но одно меня тревожит: как я с женой встречусь? Что я скажу ей? Пять ночей дома не ночевал, всё пропил и отставку получил... Что я могу сказать ей?

Ничего, побранится и перестанет!..

Я должен показаться ей теперь отвратительным, жалким... Она не выносит пьяных людей, и, по ее мнению, всякий кутящий подл... И она права... Разве не подло пропивать кусок хлеба, прокучивать место, как я эта сделал?

Путохин выпил рюмку, закусил соленой белужиной и задумался.

Завтра, значит, придется шагать в ссудную кассу... сказал он после некоторого молчания. Места скоро не найдешь, стало быть, голодуха препожалует к нам во всем своем величии... А женщины, братец ты мой, всё могут простить тебе и пьяную рожу, и измену, и побои, и старость, но не простят они тебе бедности. В их глазах бедность хуже всякого порока. Раз моя Маша привыкла ежедневно обедать, то хоть украдь, а подавай ей обед. Без обеда, скажет, нельзя; не так мне есть хочется, как от прислуги совестно. Да, брат... Я этих баб прекрасно изучил... Пятидневное беспутство простится мне, но голодуха не прощается.

Да, головомойка будет важная... вздохнул Федор Елисеич.

Она рассуждать не будет... Ей нет дела до того, что я сознаю свою вину, что я глубоко несчастлив... Какое ей дело? Женщинам нет до этого дела, особенно если они заинтересованы... Человек страдает, задыхается от стыда, рад пулю пустить себе в лоб, но он виноват, он согрешил, и его бичевать нужно... И хоть бы она хорошо выбранилась или побила, но нет, она встретит тебя равнодушно, молча, неделю целую будет казнить тебя презрительным молчанием, язвить, донимать жалкими словами... Можешь себе представить

эту инквизицию.

А ты прощения попроси! посоветовал сослуживец.

Напрасный труд... На то она и добродетельна, чтоб не прощать грешных.

Идя из трактира домой, Николай Максимыч придумывал фразы, какими он ответит жене. Он воображал себе бледное, негодующее лицо, заплаканные глаза, поток язвительных фраз, и его душу наполняло малодушное чувство страха, знакомое школьникам.

Э, плевать! решил он, дернув у своей двери за звонок. Что будет, то будет!

Коли невыносимо станет, уйду. Выскажу ей всё и уйду куда глаза глядят.

Когда он вошел к себе, жена Маша стояла в передней и вопросительно глядела на него.

Пусть она начинает, подумал он, взглянув на ее бледное лицо и нерешительно снимая калоши.

Но она не начинала... Он вошел в гостиную, потом в столовую, а она всё молчала и глядела вопросительно.

Пущу себе пулю в лоб! решил он, сгорая со стыда. Не могу дольше терпеть! Сил нет!

Минут пять ходил он из угла в угол, не решаясь заговорить, потом быстро подошел к столу и написал карандашом на газетном листе: Кутил и получил отставку. Жена прочла, взяла карандаш и написала: Не нужно падать духом. Он прочел и быстро вышел... к себе в кабинет.

Немного погодя жена сидела возле него и утешала:

Перемелется, мука будет, говорила она. Будь мужчиной и не кисни... Бог даст, перетерпим эту беду и найдем место получше.

Он слушал, не верил своим ушам и, не зная, что отвечать, как ребенок, заливался счастливым смехом. Жена покормила его, дала опохмелиться и уложила в постель.

На другой день он, бодрый и веселый, искал уже место, а через неделю нашел его... Пережитая им беда многое изменила в нем. Когда он видит пьяных, то уже не смеется и не осуждает, как прежде. Он любит подавать милостыню пьяным нищим и часто говорит:

Порок не в том, что мы пьянствуем, а в том, что не поднимаем пьяных.

Может быть, он и прав.